

Стенограмма презентации справочника А.В. Ганина в Доме русского зарубежья

им. А.И. Солженицына. Москва. 4 апреля 2011 г.*

Директор Дома русского зарубежья В.А. Москвин: Добрый вечер, дорогие друзья! Спасибо, что Вы пришли сегодня в Дом русского зарубежья имени Александра Исаевича Солженицына. Сегодняшний наш вечер посвящен презентации книги молодого историка Андрея Владиславовича Ганина «Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны», выпущенной издательством «Русский путь». Это уже третья книга Андрея Ганина, выходящая в нашем издательстве.

Судьба этой книги была непростой. Она готовилась издательством довольно долго. Сам автор настаивал на тщательности и скрупулезности, поэтому немало чего в книге переверстывалось и доделывалось. Какая книга получилась – судить уже Вам, судить научной общественности. Мне хотелось бы еще пожелать Андрею Ганину новых книг, новых крупных серьезных работ, этой книжке как хорошему кораблю доброго плавания, а всем, кто пришел на сегодняшний вечер я хочу сказать спасибо, что Вы нашли время прийти, спасибо за интерес к книге и спасибо за внимание к нашему издательству.

А.В. Ганин: Спасибо, Виктор Александрович. Добрый вечер, дорогие друзья! Я сердечно рад Вас всех приветствовать на сегодняшней презентации, надеюсь, Вы не пожалеете о потраченном времени, а мы, участники презентации, постараемся, чтобы было интересно.

Я сразу хотел бы извиниться за то, что не имею возможности подарить книгу всем желающим и призываю всех, у кого еще нет этого издания, приобрести его, тем более, что издательство сегодня дает возможность это сделать по минимальной цене. При желании после презентации можно будет получить автограф.

Сегодня Вас ждет несколько сюрпризов. И первый из них подготовлен мною совместно с режиссерами Денисом Федориным и Валерием Сокуровым. Это небольшой ролик архивной кинохроники эпохи Первой мировой и Гражданской войны. Часть хроники демонстрируется впервые. Но это не просто хроника, а кадры, на которых изображены те самые офицеры-генштабисты, представленные в моей книге, причем представляющие практически все противоборствующие стороны. Этот ролик призван создать визуальное представление о теме нашей встречи, а также показать трагическую братоубийственную сущность Гражданской войны, когда друг на друга пошли не только братья по крови, но и те, кто вместе рос и обучался, сидел за одним академическим столом. В кинохронике представлено более пятнадцати офицеров-генштабистов всех

* Стенограмма воспроизводится по аудиозаписи. Текст подвергнут незначительной редакторской правке для публикации.

основных лагерей Гражданской войны. Белый юг представляют генералы Алексеев, Корнилов, Деникин, Врангель, Романовский, Май-Маевский. Белый восток – Дутов и Богословский. Север и северо-запад – Юденич и Скобельцын. Украинскую армию – полковник Сливинский и генерал Рогоза. Красную армию – главкомы Вацетис и Каменев, генштабисты братья Раттэли и Загю.

Показ кинохроники.

А.В. Ганин: Офицеры Генштаба неотделимы от тех идей, которые они выдвигали и от написанных ими военно-исторических, военно-теоретических, мемуарных работ. Я приглашаю к микрофону известного специалиста по идейному наследию русского офицерства, автора-составителя уже более двух десятков томов «Российского военного сборника» - настоящей хрестоматии творчества наших офицеров, помощника директора Дома русского зарубежья и научного редактора этой книги, полковника запаса Игоря Владимировича Домнина, у которого сегодня день рождения, я думаю, мы все его поздравим!

И.В. Домнин: Спасибо большое за поздравления, хотя, конечно, это не повод для того, чтобы сегодня об этом говорить. Андрей, спасибо большое за эту хронику, потому что для каждого, кто чувствует историю русскую и русскую военную историю в частности, я уже не говорю о деталях, о колоссальных деталях, как то: военная эмиграция или Генеральный штаб, в целом о русской военной истории, конечно, я думаю, сердцу этого человека совершенно небезразлично то, что он сейчас увидел. Я думаю, что большинству или практически всем, конечно, всем, в этом зале также это небезразлично – те лица, та атмосфера, то дыхание тяжелой русской истории XX века, которое передается и через ту музыку, которую Андрей, мне кажется, очень удачно сюда подобрал, и через ту картинку, которую мы с Вами сейчас видели, как бы окунувшись, немножко опрокинувшись даже в столетнюю нашу историю. Ведь мы стоим на пороге столетия судьбоносного начала XX века, которое изменило всю нашу жизнь, жизнь тысячелетней России.

Теперь по существу. Но тут все существенно. Вот мы видим фотографию¹. Я приезжаю несколько лет назад в Лос-Анджелес, мы ездим туда, потому что это наша работа – там есть дом памяти ветеранов Великой войны, как и в Сан-Франциско. Я вхожу в этот дом и первое, что я там вижу – эту фотографию. Ну не эту, но такую же. Это какой год?

А.В. Ганин: 1913-й.

¹ Фото выпуска из академии 1913 г.

И.В. Домнин: Там 1907-й год. Но там тот же Алексей Константинович Баиов, правитель дел академии, во многом те же преподаватели, профессура, но другой состав слушателей. Сразу мой взгляд прикован к ней, а мои сопровождающие, друзья и тамошние хозяева говорят: «Что это, Игорь Владимирович, Вас так заинтересовало? Тут просто офицеры. У нас много фотографий офицеров – посмотрите и там и там фотографии». Я посмотрел и говорю: «Вы знаете, это особая фотография». Они: «А мы не знаем кто это, для нас это просто фото». Дело в том, что то поколение, которое знало и собирало эти материалы, оно ушло давно, а сегодня потомки, которые зачастую в этом мало, что понимают, а в деталях почти ничего не знают, при том, что сердце у них к этому открыто, они не знают фактуры исторической. И, конечно, когда я увидел лица – я этой фотографии не видел нигде в таком качестве и такого размера, они сказали: «Когда-нибудь мы Вам отдадим, чуть попозже, а пока просветите нас». И когда я выступал там, я посвятил время тому, что сказал несколько слов про каждого из изображенных офицеров и генералов. Вот тут для них был просто удар. Поймите меня правильно – я не рекламирую свои знания, их у меня гораздо меньше, скажем, чем у Андрея. Потому что они увидели, что в России есть люди и есть организации – те, которые понимают, знают, ценят, любят и исследуют это. Вот это было важнее всего. Это к истории фотографии.

Теперь о книге. Первое. Тема русского Генерального штаба – тема, которую следовало бы изучить досконально, до тонкостей, очень давно, русской военной мысли, русской военно-исторической школе в России. Я говорю «русской», простите, я привык мыслить историческими категориями в широком смысле, а не в узко-национальном. Все мы в России русские люди в той или иной степени, но по преимуществу да. И никто меня в этом никогда не разубедит. Модель нашего чувства, поведения – все это, мы русские, и в мире нас так называют. Поэтому Генеральный штаб – это русский Генеральный штаб. И вот эту тему надо было давным-давно нам изучить, и мы ее не изучили до сих пор. Вот сейчас по крупницам мы восстанавливаем.

Сегодня перед нами исключительный случай и повод – выход такой книги. Я уже не буду развивать дальше мысль о Генеральном штабе. Но все-таки эту часть своего выступления я хотел бы завершить тем, что нам важно знать о Генеральном штабе все, потому что Генеральный штаб был остовом – его назвали мозгом в одной книге,² заимствовав название из австрийской книги. Но Керсновский, наш парадоксальный военный историк и мыслитель, говорил, что мозг в армии один – это единоначальник, вождь, главнокомандующий, а Генеральный штаб – это нервная система военного организма, без которой все парализовано, если парализован он, то не будет ничего. Вот

² Речь идет о работе Б.М. Шапошникова.

Генеральный штаб и его офицеры, которые как раз-таки были в том числе и единоначальниками, командовали фронтами, армиями, корпусами, дивизиями, полками – это элита, костяк русского офицерства и русской армии. А если русской армии, то значит и русской истории, потому что русская история зависела практически всегда от того, живы ли Вооруженные силы и какую позицию они занимают. Когда они переставали существовать, на это время переставала существовать временно и Россия. Слава Богу, она потом возрождалась в разных качествах!

Второе. До последнего у нас не было трудов, которые бы освещали вопрос участия русского Генерального штаба и его состава в Гражданской войне, в самой трагической странице русской истории XX века. Говорят философы, она и до сих пор не утихла, и сегодня она в наших умах, сердцах и так далее. Но не будем о лирике. Труд этот сегодня дает такие весомые, полноценные основания для того, чтобы сказать: «Теперь мы знаем значительную долю правды о том, где был русский Генеральный штаб в годы Гражданской войны». Именно с таким названием, как я сейчас произнес, были написаны несколько статей в эмиграции, вокруг которых развернулась целая идейно-историческая борьба. Я об этом уже говорить не буду, Вы в книге прочтете, может быть, Андрей коснется.

Я в книге помогал, Андрей немножко громко меня там назвал научным редактором, я помогал редактировать, помогал что-то выстроить, я советовал. Но книга построена очень верно. Дается хорошая вступительная статья – введение, дается очерк о проблеме учета. Андрей не растекается мыслью по древу. Он не говорит о том, о чем говорю я, ибо в книге это было бы ошибочно и беспредметно, но он четко ставит вопрос – проблема учета, то есть детального отслеживания: кто, где, когда, на каких сторонах и в какие периоды Гражданской войны находился. И он эту задачу решает как в своем очерке, так и в том кирпиче документальных приложений, которые составляют вторую часть книги, где ему удалось собрать то, что не удавалось собрать до него никому. Это практически весь спектр (ну, может быть, есть еще где-то два-три списка офицеров, которые какие-то уточнения внесут), но так или иначе он собрал максимальное количество источников архивного характера, первоисточников, которые дают основание для тех заключений, которые сделаны в книге.

И последнее. О личности. Вот, Виктор Александрович,³ мы привыкли говорить: «Молодой историк». Я хотел бы уже от себя лично сделать некоторую поправку. Андрей Ганин – это еще, мы видим, молодой человек, но у меня уже не повернется язык назвать его молодым историком, потому что он подготовил уже пять книг, одна другой

³ В.А. Москвин.

фундаментальнее. И в каждой сфере сделал определенные открытия. А вот тот уровень, то качество, с которым это сделано, дает мне повод говорить о сложившемся, оригинальном, опытным и многообещающем историке. Мы должны себе отдавать в этом отчет. И надо, мне кажется, этот эпитет «молодой историк» убирать в стол и уже говорить просто о достойном историке Андрее Ганине. Спасибо.

А.В. Ганин: Спасибо, Игорь Владимирович! Первая мировая война стала последней войной, в которой участвовал еще единый русский Генеральный штаб, этот сюжет самым тесным образом связан с последовавшим расколом Генштаба. И я приглашаю на сцену ведущего зарубежного специалиста по Восточному фронту Первой мировой войны, профессора командно-штабного колледжа сухопутных сил США в Форте Ливенворт, штат Канзас, рецензента этой книги доктора Брюса Меннинга.

Б. Меннинг: Спасибо, Андрей. Это конец длинного рабочего дня для меня, иностранного ученого, и я чувствовал бы себя более удобно, если бы зачитал свои заметки.

Дорогие коллеги и друзья! Сегодняшнее торжественное событие возвращает мою память на двадцать лет назад, когда возрождалась новая Россия. Тогда уже были видны две тенденции. Они возникли в последние годы советского периода. Первая из них – это перспектива новых горизонтов для исторических исследований, вторая – это возможность развивать и углублять контакты с иностранными учеными и коллегами. Книга Андрея Ганина является отражением этих двух тенденций. До 1991 года я не мог мечтать, что когда-нибудь откроются архивы по ключевым темам истории последних десяти лет царской империи и первых лет советского государства. Среди таких тем, как мне представляется, была и роль генштабистов, особенно, в Гражданской войне. Я помню лишь одну важную работу за советский период о деятельности генштабистов и военспецов. Это замечательная книга Александра Георгиевича Кавтарадзе. Александр Георгиевич был также пионером по изучению истории русского Генерального штаба.

Между прочим, ряд иностранных ученых, в том числе Питер Кенез, Алан Уайлдман, Джон Стейнберг, Дэвид Джонс также серьезно изучали и продолжают изучать историю генштабистов и военспецов России, но без материалов русских архивов и библиотек их исследования имели определенные ограничения. Не менее важно было то, что и Александр Георгиевич и другие русские коллеги делились своими знаниями с иностранными учеными, которые в начале 1990-х годов приехали работать в русских архивах. Среди них был и я. Александр Георгиевич стал для меня другом и учителем на долгие годы. Беседы с ним остаются в моей памяти до сих пор.

На мой взгляд, работа Андрея Ганина является современным продолжением того общего интереса, что объединил и русских и иностранных ученых. К сожалению, ни Кавтарадзе, ни некоторые мои коллеги не дожили до этого светлого дня. Таким образом, мы являемся очевидцами обмена и развития исторического знания не только на международном уровне, но и между поколениями. Важно, что книга Андрея Ганина представляет собой мост между лучшим, что было в советской научной школе и тем, что стало возможным для нового поколения русских ученых.

Суть предмета исследования также представляет собой мост между императорским прошлым и советским будущим. Новое советское государство не построило фундамент на пустом месте. Судьба отвела генштабистам важную роль в военном строительстве. Если одни генштабисты боролись за советское государство, то другие – против. Книга Ганина показывает, как разивалась эта драма не только по именам, но и в статистике.

В заключение я бы хотел обратить Ваше внимание на следующее. Первое. Эта книга – исходный пункт длительной истории генштабистов, оказавшихся в противоположных лагерях. К счастью, и те и другие вернулись в русскую военную историю. Второе. Важно помнить, что генштабисты были живыми людьми со своими семьями и наследниками, у всех были свои семейные истории, переплетенные с общерусскими событиями. О многих из них рассказывал Александр Георгиевич. Истории жизни и судеб генштабистов представляют собой звенья между периодами и поколениями. Их потомки живут и в нашем времени. Я поздравляю Андрея Ганина с выходом его книги! Спасибо за внимание!

А.В. Ганин: Спасибо! Мы переходим к событиям Гражданской войны, когда русский офицерский корпус оказался по разные стороны баррикад и бывшие друзья стали непримиримыми противниками. Я приглашаю к микрофону одного из лучших специалистов по истории Гражданской войны в России, заведующего сектором военной истории Дома русского зарубежья Андрея Сергеевича Кручинина.

А.С. Кручинин: Вы знаете, всегда очень приятно говорить о работе, которую в самом буквальном смысле слова, наверное, можно назвать долгожданной. Потому что люди, интересующиеся тематикой и историей Гражданской войны, историей мировой войны, историей русского офицерства, они уже давно видели какие-то подготовительные этапы работы Андрея Владиславовича, о которой знали не только те, кто непосредственно с ним знаком, кто знал об этом по разговорам, по общению, по обсуждению каких-то вопросов, но эти этапы находили свое отражение, думаю, не ошибусь, если скажу в многочисленных публикациях, докладах, выступлениях на конференциях, в журналах, в сборниках. То есть эта работа имеет под собой уже значительный фундамент. И в этом смысле, я думаю, что многие действительно ждали появления этой книги. Я уж не знаю,

как, наверное, этого ждал сам автор, потому что это всегда бывает очень напряженное и не всегда приятное волнение, особенно, когда спрашивают: «Ну, когда же, когда же, когда же?» и стоят за плечом, - вот это просто невыносимо. Длительную работу автора подхватило и тоже длительно работало издательство «Русский путь». И в данном случае мы поздравляем не только Андрея Владиславовича с его книгой, но и, наверное, издательство, для которого эта книга тоже является событием и результатом кропотливой и не всегда легкой, не всегда простой работы.

Говоря о кропотливости, я бы сейчас подчеркнул действительно кропотливость историка, высочайшую совершенно работоспособность, которой, я считаю, можно просто позавидовать, ну я, по крайней мере, лично завидую. И то, что наблюдения, выводы, анализ, сделанные в этой книге, покоятся на колоссальном фактическом материале, на материалах многочисленных архивов, причем не только российских, но и зарубежных. И здесь не просто интерес, не просто необходимость использовать источник, а именно вкус к источнику, который проявился в действительно многочисленных приложениях, демонстрирующих и состав, и динамику Генеральных штабов или корпусов генштабистов различных сил, столкнувшихся в годы Гражданской войны. Эти документы автор счел необходимым, и, я думаю, что многие историки скажут ему за это спасибо, привести в их подлинном, первоначальном виде. Помимо работы автора, который знакомит читателя со своими выводами, своими наблюдениями, своим анализом, мы имеем возможность прикоснуться к документам, значительная часть которых труднодоступна, а многие просто уникальны или раритетны.

Это же относится и к замечательной фотогалерее, собранной, как я понимаю, «с миру по нитке» тоже немалыми трудами, которая составляет очень важную особенность этой книги, потому что двадцать лет я уже говорю о том, что история должна быть образной, должна быть, извините за ненаучное слово, интересной. И вот для этого, для проникновения, для прикосновения к прошлому – увидеть эти лица офицеров в самых разных ипостасях, в самых разных военных формах, в том числе противоборствующих и непримиримых сторон (кто-то в старой, императорской, кто-то в форме белых армий с самыми неожиданными, самыми необычными отличиями, кто-то уже в форме Красной армии или национальных армий). Такое безмолвное столкновение, безмолвное противостояние, которое читатель этой книги по иллюстративным вклейкам может видеть, оно дорогого стоит.

Вы знаете, я вспоминаю уже десятилетней или более давности кулуарные разговоры в одной из компаний исторических или околоисторических, и такую самодеятельную, как часто называют, бардовскую песенку, посвященную выпуску 1911 года из академии. Это

один из, может быть, типичных выпусков, может быть, по-своему уникальных, в чем-то очень показательных, потому что среди генштабистов 1911 года выпуска или тех, кто учился тогда в академии, но не был причислен, были и начальник штаба адмирала Колчака генерал Лебедев и начальник штаба украинской армии генерал Липко, и будущий командующий Русским корпусом во время Второй мировой войны генерал Штейфон, и один из первых военных специалистов Красной армии Свечников, и герой Белого движения Слащов-Крымский – генерал, вернувшийся из эмиграции и убитый здесь, уже в советской республике.

И в такой незатейливой, простенькой песенке, которую в компаниях по кухням поют под гитару, была строчка, которая, может быть, стоит дороже, чем вся эта песня и на самом деле очень важна для нашего образного восприятия: «Жаль, что нам известно, что Вас завтра ждет». Вот это безмолвное противостояние, этот ужас раскола, когда армия, недавно единая, вначале перестает существовать в дикой сумятице 1917 года, в преступном безволии Временного правительства, в самых темных пораженческих и антироссийских силах. Корпус генштабистов этой армии раскалывается. Иногда против воли, иногда случайным образом оказывается в разных лагерях и в этом смысле даже простое чтение такой, казалось бы, и сухой и строгой и «неинтересной» таблицы с биографическими сведениями (потому что я отдаю себе отчет в том, что это чтение на любителя – кто-то такие вещи читает как романы, да в общем и романов-то не нужно, когда есть такие таблицы, а кому-то это может показаться не совсем интересным справочным материалом) очень показательны.

На самом деле иногда даже одна случайно встретившаяся судьба демонстрирует жуткую картину Гражданской войны. Генерал Гончаренко, писавший в эмиграции под псевдонимом Юрий Галич, одну из своих книг назвал «Красный хоровод». Какой-то действительно безумный хоровод и «Красное колесо» Солженицына, которое крутится и кого-то подминает под себя, кого-то тащит на себе, кружит головы. Андрей Владиславович подтвердит – во время работы в читальном зале архива мы с ним разговаривали и обсуждали одного офицера, Олейникова, случайно обнаруженного. Этот человек поменял чуть ли не все армии по очереди, был и в Красной армии, и у гетмана, был и у Петлюры, и в польском плену, и в Западной добровольческой армии у Бермондта-Авалова, был интернирован немцами и был у Булак-Балаховича. И мы даже не знаем на самом деле, как человек закончил свою судьбу, свою биографию, потому что последнее, что есть – это воспоминания, написанные в самом начале 1920-х годов. И вот такое метание, которое кого-то выносило на гребень волны, кого-то тут же сбрасывало, кому-то ломало кости под этим жутким колесом. Оно, может быть, действительно как такая

кинохроника рваная, фрагментарная, где-то задним планом идет, как мне кажется, при чтении или при просмотре тех статистических или биографических таблиц, которые сделал Андрей Владиславович. И я думаю, что мы еще раз должны сказать ему спасибо за эту работу и поздравить его и всех нас с тем, что такое объемное, фундаментальное, документальное и документированное исследование сейчас вышло в свет, и мы имеем возможность им пользоваться. Спасибо!

А.В. Ганин: Спасибо, Андрей Сергеевич!

О своей книге можно говорить бесконечно, но я постараюсь быть достаточно кратким и рассчитываю на Ваши вопросы в конце вечера. Что хотел бы сказать об этой книге? Книга является результатом практически десятилетней работы, десятилетнего сбора материала. Конечно, целенаправленно для книги – это где-то лет пять непосредственного сбора материала и обработки его. Книга была сложной, многослойной и шла долго и трудно, тем более, что постоянно появлялись новые архивные данные, работу приходилось дополнять уже в процессе подготовки к изданию.

Начну с благодарности всем, кто причастен к этому большому проекту. Выражаю огромную признательность Виктору Александровичу Москвину и Игорю Владимировичу Домнину, которые дали зеленый свет этой книге, благодаря чему она вышла из печати в «Русском пути». Это уже третья моя книга, выходящая в издательстве на самом высоком академическом уровне научного книгоиздания. Спасибо рецензентам, блестящим военным историкам Брюсу Меннингу, который здесь присутствует и Олегу Рудольфовичу Айрапетову, моему учителю, который сегодня, к сожалению, не смог прийти. Также хотелось бы поблагодарить моих друзей только что выступавшего Андрея Сергеевича Кручинина и Василия Борисовича Каширина, в общении с которыми совершенствовалась идея этой книги, подходы к материалу и сама концепция того, что я собирался сказать. Особая благодарность всем сотрудникам российских и зарубежных архивов и библиотек, помогавшим в моей работе, особенно российским архивистам, работающим в гораздо худших условиях. Спасибо Российскому гуманитарному научному фонду, благодаря которому мне удалось поработать в зарубежных архивах в Польше, Украине, Финляндии. Издательству пришлось нелегко в борьбе с автором, стремившимся включить в один том максимум информации. Моя огромная благодарность директору издательства Галине Александровне Чикановой, людям фантастической трудоспособности Татьяне Львовне Белкиной, Нине Самбу, Павлу Сандомирскому. Спасибо всем!

Но еще об одном человеке я хотел бы сказать отдельно. Это замечательный советский и российский военный историк Александр Георгиевич Кавтарадзе, памяти которого посвящен мой справочник. На фото Кавтарадзе как раз в этом зале. Мне

довелось быть лично знакомым с Александром Георгиевичем и даже обсуждать с ним мои работы по тематике Генерального штаба. К сожалению, Александр Георгиевич не дожил до выхода этой книги, а после автора он бы, наверное, больше всех радовался тому, что такая книга вышла.

Александра Георгиевича всегда привлекала тема участия офицеров в Гражданской войне, он написал фактически единственную в СССР специальную работу по этому вопросу «Военные специалисты на службе республики Советов». Тогда эта книга была революционной, ибо впервые была показана решающая роль старого офицерства в создании Красной армии, несмотря на то, что о многих вещах Александр Георгиевич не мог написать по цензурным ограничениям. Например, о роли Троцкого, о репрессиях и многочисленных изменах офицеров. Не мог он писать и об антибольшевистском лагере. Не так давно мой друг военный историк Руслан Гагкуев, присутствующий здесь сегодня, принес гранки книги Александра Георгиевича с его собственными пометками и на первой странице, под названием, рукой Кавтарадзе было написано: Генеральный штаб Красной армии 1917-1923 гг. Логически рассуждая, я решил, что это название работы, которую Кавтарадзе хотел написать в дальнейшем, но так и не осуществил задуманное. Кавтарадзе был знаком с последними живыми генштабистами старой армии и через него в моей книге присутствует эта взаимосвязь времен и поколений. Мне приятно, что существует и преемственность с исследованиями такого замечательного человека, как Александр Георгиевич Кавтарадзе.

По невероятному стечению обстоятельств, Александр Георгиевич – участник войны, кавалер ордена Красной Звезды, полковник советской армии был похоронен несколько лет без надгробия с простой табличкой, обозначающей место погребения. Человек, который внес огромный вклад в развитие нашей военно-исторической науки, в изучение истории, после смерти оказался никому не нужен. Это трагическое проявление нашей современной действительности. И мне приятно сказать, что как раз в период подготовки справочника к печати мы, группа тех, кому небезразлично военное прошлое России и память о Кавтарадзе, смогли общими усилиями установить ему очень достойный, на мой взгляд, памятник. Я хотел бы поблагодарить всех, кто участвовал в этом благородном деле, многие из них сегодня в этом зале.

Вернусь к справочнику. Проблемами истории участия русского офицерства в Гражданской войне я занимаюсь уже почти 15 лет. Первоначально это был интерес к командному составу белых армий, в особенности Востока России, как наименее изученного сюжета, постепенно интерес расширился и менялся, затем я стал интересоваться более широко всем антибольшевистским лагерем, чему способствовали

командировки в архивы Украины, Польши и Финляндии. И, наконец, стало очевидно, что без документов Красной армии невозможно постичь суть Гражданской войны. Равно как изучение ее без документов белого лагеря. Несколько сотен офицеров-генштабистов за годы войны успели побывать не в одном, а в нескольких противоборствующих лагерях. И невозможно вырвать из контекста службу того или иного офицера в одном лагере и изучать только службу в другом. Точно так же нельзя разрывать дореволюционную и послереволюционную историю. Нужно комплексно смотреть на эти процессы.

Так родилась идея собрать воедино расколовшийся в 1917 году на белых и красных, а также сторонников национальных государств офицеров еще недавно единый русский Генеральный штаб. Такого рода работ даже по опубликованным материалам, не говоря уже об архивных документах, не существовало. Мне хотелось создать именно архивный справочник, позволяющий существенно продвинуться в вопросе как для биографических исследований, так и для проблемных. Эта задача потребовала изучения архивов разных государств, прежде всего, тех, где были наиболее крупные контингенты офицеров Генерального штаба. Это архивы Украины, Польши, Финляндии. Я надеюсь, что мне удастся в будущем поработать в архивах Прибалтики и Закавказья, где также служили наши генштабисты. Некоторые материалы из архивов Прибалтики и других государств были получены по переписке.

Основу работы, конечно, составили документы Российского государственного военного архива – главного архивохранилища, содержащего документы Гражданской войны. Прежде всего, это материалы учета кадров Генштаба по всем противоборствующим армиям, учетные карточки, послужные списки. Подробный их обзор дан во вводной части справочника. Также могу отметить документы архива Службы безопасности Украины, а именно личные архивно-следственные дела бывших офицеров, арестованных по делу «Весна» в начале 1930-х гг. Некоторые документы удавалось обнаружить буквально чудом. Например, единственный список Генштаба Вооруженных сил на юге России имелся в собрании известного исследователя наград и коллекционера Александра Ивановича Рудиченко, любезно предоставившего этот важный документ для публикации. Таким образом, работа основана на самых разнообразных источниках.

О ком этот справочник? Справочник о тех людях, без которых невозможно в XX веке построить ни одну армию – о представителях военной элиты – корпусе офицеров Генерального штаба. Появление таких офицеров в XIX веке, после наполеоновских войн, связано с эпохой массовых армий и являлось элементом профессионализации военного дела. Эти офицеры занимались множеством вопросов – разрабатывали планы военных

операций, штаты частей и учреждений, вели административную, разведывательную и аналитическую работу, писали приказы и вели другую документацию.

В принципе, в Гражданскую войну четкое дореволюционное деление на генштабистов и не-генштабистов утратилось. Но генштабисты были востребованы. Думаю, что определяющим было именно получение этими лицами (даже неудачно окончившими академию) специализированного высшего военного образования, что было редкостью в дореволюционной России. Этот факт позволял выпускникам участвовать в целом ряде работ, которые не могли вести менее образованные люди. Так, в белом лагере генштабисты занимались вопросами гражданского администрирования. В военно-административной и оперативной работе участвовали и те, кого до революции не подпустили бы в Генштаб на пушечный выстрел. Например, те, для кого учеба в академии была лишь эпизодом в жизни и длилась несколько недель. Учитывать таких специалистов тоже необходимо, так как они составляли интеллектуальный потенциал сторон Гражданской войны. А в Красной армии генштабистами стали даже те, кто вообще не учился в академии. Так в Генеральный штаб попали не учившиеся в академии советские полководцы Фрунзе, Тухачевский, Уборевич и Егоров.

Каковы результаты проделанной работы? Они многоплановы. Во-первых, удалось собрать данные практически обо всех офицерах, обучавшихся в академии и проходивших по учетным документам как специалисты Генерального штаба в годы Гражданской войны в различных армиях. Таковых оказалось около 2700 человек. В ходе работы было сделано немало открытий. Были открыты десятки прежде неизвестных списков Генштаба. Установлено наличие параллельного учета кадров Генштаба во Всероссийском главном штабе и в Полевом штабе РВСР. Открыты сотни, а может и тысячи разнообразных биографических фактов. Однако принципиально важное, революционное достижение, конечно, заключается в окончательном решении проблемы распределения кадров Генштаба, которая уже почти век волнует многих незаурядных исследователей в эмиграции, в СССР и России, но так и не была решена. Этой проблеме уделили внимание и сами генштабисты, а также советские и российские историки. Но без знакомства с первоисточниками, с учетными документами всех воюющих сторон, эти подсчеты представляли собой лишь жонглирование цифрами в ту или иную сторону. Теперь же представлены не абстрактные цифры, а вполне конкретные, в т.ч. первичные данные, которые можно перепроверить с точностью до конкретных лиц, конкретных офицеров.

Что же удалось установить? На слайде представлено процентное распределение генштабистов, не переходивших из лагеря в лагерь в годы Гражданской войны. По этим данным, в РККА служило 46,6% генштабистов-участников Гражданской войны, на белом

Юге – 30,3%, на Востоке – 13,5%, на Северо-западе и Севере – по 0,8, в прочих белых армиях и подполье вне РККА – 0,5, в украинских армиях 5,9%, в прочих национальных армиях 1,5%. Отмечу, что это те, кто не перебежал из лагеря в лагерь и может формально считаться добросовестно служившими в той или иной армии. Как видим, Красная армия значительно превосходит каждого из своих противников по числу таких военспецов-генштабистов. Более того, мы видим превосходство красных и при суммировании данных по всем белым армиям (не относя сюда национальные армии), хотя полного единства действий белые не достигли.

Однако Гражданская война была хаосом, в котором многие не сидели на месте, а перемещались из лагеря в лагерь. Большой проблемой было разобраться с учетом таких генштабистов. Подобных офицеров было свыше 900. У каждого из них была своя правда, свои мотивы и своя трагедия. Вопрос с перебежчиками представлял очень большую сложность, т.к. некоторые офицеры за время Гражданской войны сменили даже не один-два, а три или четыре воюющих армии. Для примера процитирую недавно найденную мною в архиве советскую автобиографию одного из офицеров: «С начала революции служил в Красной Армии по Генеральному Штабу: с марта по июль 1918 г. в штабе Нарвской обороны против германск. белогвардейцев; с июля 18 г. по январь 1919 г. на Донском фронте, командуя 14 сов. дивизией, успешно отражая натиски казаков; с января 19 г. по август на северном фронте, участвуя в разгроме англичан под Онегой. В августе 1919 г. вследствие болезни и тяжелой формы грыжи в Вологде уволен по болезни и за ранами вовсе от военной службы. Получив все необходимые документы и письменное разрешение Рев. В. Сов. 6ой армии на право поездки и жительства в Одессе в августе, больной, в сопровождении жены выехал. Т[ак] как Одесса к тому времени была занята белыми, я остался на жительство в Киеве. Белые, захватив город, объявили общую регистрацию, и я был арестован и как офиц. ген. штаба был отправлен в Таганрог на суд в Ставку. Был под судом и следствием с сентября 18 г. (правильно – 1919 г. – А.Г.) по январь 19 г. (правильно – 1920 г. – А.Г.) и из Одессы, куда я был уволен на поправку после сыпн. тифа, я скрылся за границу. В Варне поступил матросом и, плавая, участвовал в эвакуации бывших из Новороссийска в Севастополь. В апреле 14го был опознан на пароходе в Севастоп[оле], арестован и посажен в Севастоп[ольскую] тюрьму, где просидел до 29 июня. Освобожден по Врангелев[ской] амнистии с отправлением на фронт. Но вновь тайно уехал через Константинополь в Палестину, где пробыл до мая 1921 г. В мае вернулся в Кон[стантинополь] и при содействии Сов. торговой делегации выехал в Одессу и 6 июня был арестован. У белых не служил и виновным себя совершенно не считаю». Понятно, что, говоря о том, что он не служил у белых, офицер сам себе

противоречит. Более того, этот человек поступил затем на службу в Красную армию. Вот такое хитросплетение. Стояла задача формализовать участие таких офицеров в Гражданской войне.

Важно было разработать саму методику такого учета, когда один и тот же человек служил в двух и более противоборствующих армиях. Я долго думал над тем, как же это сделать. Наконец, родилась идея учета маршрутов перемещения всех офицеров и формализации этих данных для статистических подсчетов. Вышеприведенный офицер при этом получит следующий формализованный маршрут – 1918-1919, РККА; отпуск в Одессу; захват в плен белыми; 1919, ВСЮР, эмиграция, 1920, Русская армия, эмиграция, возвращение и вновь служба в РККА. Такой офицер будет в статистике учтен единожды в РККА и единожды на белом юге.

Итак, прибавляя данные о перебежчиках, получаем итоговое распределение по Гражданской войне. Красная армия – 40,7%; Белый юг – 26,8; Белый восток – 16,7; северо-запад – 0,8; север – 0,7, прочие белые армии и подполье вне РККА – 0,6; украинские армии – 11,4; прочие национальные армии – 2,3%. Снова у красных большинство, хотя при суммировании данных по белым и национальным армиями: в Красной армии 40,7; в белых армиях 45,6%, в национальных армиях – 13,7% (в основном, за счет гетманской армии). Таким образом, в антибольшевистском лагере 59,3% выпускников и слушателей академии против 40,7% в РККА. Парадокс в том, что, несмотря на преобладание офицеров среди противников большевиков, они так и не смогли объединиться, а порознь уступали тем самым красным 40%.

Теперь о распределении сравнительно более квалифицированных довоенных выпусков академии. Как видим, соотношение похожее. РККА – 39%, белый юг – 32,7%, белый восток 9,5%, украинские армии – 13,3% и т.д. Помимо распределения кадров, справочник дает ответы и на многие другие вопросы, но я не буду задерживать Ваше внимание. Всю информацию Вы найдете в моей работе. Я на этом закончу и предоставлю слово еще одному докладчику.

Специально на сегодняшнюю презентацию я пригласил из Санкт-Петербурга Наталью Адольфовну Сергееву – правнучку полковника Генерального штаба Николая Карловича Раша, который был начальником русской военной разведки в годы Первой мировой войны по должности руководителя Особого делопроизводства ГУГШ с марта 1914 по август 1916 года. Биография полковника Раша наглядно отражает сложность и противоречивость проблемы участия офицеров Генштаба в Гражданской войне. Полковник Раша был готов добросовестно работать в Красной армии, однако его знания и

опыт оказались не востребованы, и он был расстрелян осенью 1918-го по нелепому обвинению. Итак, пожалуйста, Наталья Адольфовна Сергеева.

Н.А. Сергеева: Андрей Владиславович, спасибо большое за такое почетное звание докладчика. Я, скорее всего, как Игорь Владимирович⁴ выразился, из тех потомков, которые практически ничего не знают и почти ничего не понимают, поэтому прошу прощения, если что-то покажется Вам странным в моем докладе. Слушая выступавших, я вспомнила слова одного очень хорошего актера, исполнявшего роль учителя истории в одном очень хорошем старом советском фильме. Герой Вячеслава Тихонова говорит, что зачастую от человека не остается ничего, кроме тире между двух цифр.

Я хочу сказать большое спасибо всем присутствующим в зале историкам и Андрею Владиславовичу, конечно же, тоже. Я никогда об этом не думала, но приехав сюда и слушая Вас, понимаю, насколько важна та работа, которую вы делаете. Вы не просто раскрываете это тире между двух цифр, Вы возвращаете людям знание своих корней, понимание судьбы, прошлого и, наверное, будущего. Поэтому спасибо Вам большое!

Николай Карлович Раша, мой прадед, родился 26 октября 1877 года в семье личного дворянина. Так случилось, что в десять лет он потерял отца. И, обучаясь в гимназии, окончил он 4-ю московскую гимназию, с 6 класса, как тогда говорили, жил своим трудом. Это было репетиторство. После гимназии поступает в Алексеевское военное училище, оканчивает его по первому разряду, позднее поступает в академию Генерального штаба, которую тоже оканчивает по первому разряду. Благодаря Андрею Владиславовичу, я имею возможность зачитать Вам характеристику, которая была дана Николаю Карловичу при аттестации. Сухие, казалось бы, строчки, но за ними стоит личность человека.

Этот молодой человек в начале 1900-х годов прошлого столетия приходит на квартиру своего знакомого генерала Башинского. Эта квартира, хотя она потом появится в Москве, для нашей семьи была роковой и судьбоносной. На квартире Башинского Николай Карлович знакомится со своей будущей супругой, моей прабабушкой, Верой Ивановной Степановской. Вера Ивановна пришла тоже в эту квартиру и ей говорят: «Через некоторое время придет Раша и будем обедать». Вера Ивановна спрашивает: «Какая Раша?». Ей говорят: «Не какая, а какой!»

Состоялось знакомство, молодые люди, мне хочется верить, полюбили друг друга сразу, но свадьба состоялась через пять лет. Николай Карлович учился и не мог содержать семью, и в течение пяти лет Николай Карлович и Вера Ивановна были женихом и невестой. После окончания академии Генерального штаба Николай Карлович отправился

⁴ И.В. Домнин.

на русско-японскую войну. За этот период его наградили четырьмя боевыми орденами, один из которых за храбрость. Короткий срок и четыре боевых ордена!

Вера Ивановна оканчивает курсы сестер милосердия и едет вслед за своим женихом на фронт. Они встретились в Маньчжурии. К этому времени война заканчивается, они возвращаются домой, в Петербург и 10 ноября 1905 года венчаются. Далее следует служба Николая Карловича. И через некоторое время, по разрозненным сведениям нашей семьи, Николай Карлович направляется на разведывательную работу в Германию. Как мне рассказывал мой дед, до Первой мировой Николай Карлович изъездил на велосипеде всю Германию, собирая определенные сведения. Насколько эта информация достоверна, не могу сказать.

Николай Карлович руководил русской разведкой в течение двух лет. Также мне известно, что, наверное, в 1916 году семья проживала в Копенгагене под фамилией Пренцель. Николай Карлович носил имя журналиста Генриха Пренцеля. Почему такое имя? – спрашивала я деда. Потому что метки на белье и столовые приборы имели вензель в виде инициалов Николая Раша, которые по-русски и по-немецки совпадают в написании с именем Генриха Пренцеля (Н.Р.). Насколько удачна была работа прадеда, мне сказать сложно.

В 1917 году Николай Карлович принимает командование 48-м Одесским пехотным полком. К своим обязанностям относится исключительно добросовестно. У меня есть открытка небольшая, которая каким-то чудом сохранилась в семье. После командования полком Николай Карлович служил начальником штаба 12-й пехотной дивизии и XI армейского корпуса.

Наступает август 1918 года. Как Андрей Владиславович сказал, Николай Карлович принимает революцию и, наверное, в числе первых вступает в Рабоче-Крестьянскую Красную армию. И приезжает в Москву, и приходит на квартиру генерала Башинского – того самого, в квартире которого почти двадцать лет назад он познакомился со своей будущей супругой, но квартира та была в Петербурге. Он приходит на квартиру генерала Башинского в Москве и попадает в засаду, его арестовывают. О том, что Николай Карлович попал в засаду и его арестовали, в семье знали. И мне бабушка и дедушка рассказывали. Но подробностей того, что же произошло на самом деле, мы не знали до последнего времени.

Оказалось, что подробности известны чекистам. В архивах находим расстрельное дело полковника Генерального штаба Раша – всего восемь листочков. Первый допрос – Николай Карлович рассказывает, что он пришел на квартиру генерала Башинского, ему говорят, что всех арестовали, он спросил, куда дели Башинского, в результате тоже был

арестован. Протокол написан полуграмотным языком. Следующие листы допросов почти никаких данных не содержат, кроме того, что полковник Генерального штаба Раша производит впечатление отъявленного контрреволюционера, отказывается отвечать не только на вопросы политического характера, но также на все. На протоколе первого допроса, между корявыми записями, рукой Николая Карловича вписано перед тем, как он подписал протокол: «На вопросы политического характера принципиально не отвечаю». И последний листочек с предложением о приговоре к расстрелу. 14 сентября Николай Карлович был расстрелян. С 3 августа по 14 сентября он находился в заключении.

Как сложилась судьба семьи? Вера Ивановна, моя прабабушка, жена Николая Карловича, каким-то образом узнала, что он арестован. Почти всю свою жизнь, а прожила она долго и умерла в возрасте 94 лет в 1970 году, она себя корила за то, что, как ей казалось, она вмешалась в произошедшее, приехав в Москву хлопотать и навредила ему. Но, как оказалось, это совсем не так. Те материалы, которые предоставил Андрей Владиславович, показывают, что как раз военное руководство всячески содействовало ей и оказывало помощь, оно просто даже не знало, что полковник Раша находится в органах ЧК и что с ним происходит и даже после расстрела пришло назначение Николая Карловича на должность. Абсурдная и печальная ситуация!

Вера Ивановна осталась с тремя детьми на руках, младшему из которых не было и года. Я считаю, что воспитала достойных людей. Дети Веры Ивановны всегда называли ее мамой, мамочкой. Она была высочайшим нравственным авторитетом, никогда не давала повода опускать руки, отчаяться, роптать на судьбу. Я прабабушку застала, мне было семь лет, когда она умерла. Я спрашивала: «Вот такая судьба. Неужели никогда не было какого-то иносказания, намека на то, как судьба распорядилась?» Человек потерял все! Блестящая выпускница Павловского института с золотой медалью, слушательница курсов общества вспоможения художеств под руководством Рериха, слушательница академии художеств. Казалось бы, все пути были открыты! И в 1917-1918 году все это ломается, все рушится. И ни один из троих детей Веры Ивановны, ни один из внуков не сказал, что бабушка давала намек, что нужно роптать на судьбу или на то общество, тот строй, в котором она прожила большую часть своей жизни.

Вера Ивановна долго хранила материалы прадеда. Почему-то, как дед мне сказал, личное дело Николая Карловича было у него на руках. Говорят, что документов было очень много. В начале 1930-х годов вышел указ о паспортизации населения, и, видимо, страх за детей сделал свое черное дело. Документы практически все были сожжены в печке на квартире на Васильевском острове, а ордена, которых было очень много, были моим дедом выброшены по помойкам в разных местах Ленинграда, чтобы никто не видел.

Что хочу сказать в заключение? «Лицом к лицу лица не увидеть. Большое видится на расстоянье. Когда кипит морская гладь, корабль в плачевном состоянии». И дальше, если Вы помните, у Есенина следующие строчки: «Их мало, с опытной душой, кто крепким в качке оставался». Я еще раз хочу сказать спасибо большое Андрею Владиславовичу за то, что Вы помогаете нам понять наше прошлое и, наверное, с оптимизмом смотреть в будущее. Чтобы остаться «крепким в качке». К сожалению, вся история нашей родины такова, что мы и не вспомним даже штиля, у нас все время качка. Так вот, чтобы держаться на плаву, чтобы стоять на ногах, наверное, нужно знать свою историю, нужно знать свои корни. Спасибо Вам за это большое!

А.В. Ганин: Спасибо Вам, Наталья Адольфовна! Как мне кажется, это последнее выступление созвучно идее, которую высказывал Брюс Меннинг в своей речи о том, что российский Генеральный штаб не только в прошлом, но и в настоящем, в том числе Генеральный штаб той эпохи, эпохи Первой мировой и Гражданской войны. Что у тех офицеров есть потомки, которым эта история дорога и что не только мы, исследователи, интересуемся этими вопросами. И вторая нота, которая прозвучала в выступлении – это трагизм и невероятная, часто бессмысленная совершенно, жестокость нашей Гражданской войны. Когда человека арестовывают ни за что, расстреливают ни за что, по нелепому обвинению. Человека, который нужен тому режиму, который его же расстреливает. На этом печальном заключении все выступления завершены и теперь по программе вопросы. Итак, пожалуйста.⁵ Если вопросов больше нет, тогда наш вечер завершен, спасибо всем, кто пришел!

⁵ Вопросы не отражены в аудиозаписи вечера и не публикуются.